

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ

ТВОРЧЕСТВО

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Публикации и исследования

Выпуск II

Санкт-Петербург

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(грант НАН837)

Редактор-составитель
Владимир Григорьевич Белоус

© В. Г. Белоус, 1998 г.: составление

**«Слово о погибели русской земли» А. М. Ремизова
и его критик — Иванов-Разумник**

Конец 1917 — начало 1918 гг. — период беспрецедентной публицистической активности Ремизова, ранее, кроме театральных рецензий и «Открытого письма» 1909 г., никак не проявлявшейся. Исследователи, останавливаясь на разных аспектах его публицистики революционных лет¹, не касались определения того внутреннего идейного стержня, который обусловил ее всплеск. На наш взгляд, такая публицистическая активность была непосредственно связана с историософской концепцией писателя.

В повести «Пятая язва» (1912) следователь Бобров писал «обвинительный акт» русскому народу, обвиняя его в неделании «дела души своей», в покорности, превращающей его в игрушку злых сил. «И было похоже на то, как когда-то в старину в смутные годы дьяк Иван Тимофеев в “Временнике” своем, подводя итог смуте, выносил свой приговор русскому народу, бессловесно молчащему, а троицкий монах Авраамий Палицын судил русский народ за его безумное молчание»². Это произведение стало итогом размышлений писателя над событиями Первой русской революции. В новую «годину гнева», в 1917–1921 гг., писатель обратился к тем же сочинениям русской публицистики XVII в. — свидетельствам того, что и в первую Смуту не все русские люди «бессловесно» молчали и составляли единую проклятую Богом «псоглавую» массу.

Публицистические произведения Ремизова можно условно разделить на два вида, различных по жанру и способу раскрытия авторской позиции, но равно подчиненных главной теме, которую в свое время энергично выразил Лев Толстой: «Не могу молчать!». К первому виду ремизовской публицистики относятся тексты, созданные в популярной еще с евангельских времен «пропагандистской» форме рассказа-притчи. В «Простой газете», «Новой простой газете», «Воле народа», «Вечернем звоне», «Воле странь» и др. Ремизов опубликовал ряд притч, основанных на древнерусских источниках. На первый взгляд, это были

повествования о героях легендарных времен — святых и подвижниках. Но эти истории становились актуальными откликами на современность, когда включались в контекст реальной действительности.

Примером подобной «публицистики» может служить новая редакция давнего ремизовского пересказа проложного повествования о старце Герасиме и льве. сюжет которого неоднократно использовался авторами новой литературы. например. Н. С. Лесковым. В ремизовском рассказе «Страх смертный» старец помог льву, лев стал служить старцу, на которого раньше работал лишь конь. Казалось бы, рассказ кончался картиной «всеобщего счастья». Но Ремизов сделал к нему небольшое дополнение: «И никто не знал, как плохо коню! Старец знал, для чего ему лев служит, и лев знал, для чего он старцу служит, а конь ничего не знал, для коня старец — старец, лев — лев. И это тоже никто не знал, ни старец, ни лев. / И возненавидел конь льва, а пуще старца святого. И одного уж ждал конь и об одном по-своему, по кониному, творил Богу молитву и утреннюю, и вечернюю, чтобы освободил его Бог от льва. прибрал старца»³.

Если образы двух героев (старца и льва) уже были знакомы читателю, даже неискушенному в древней книжности, то не менее известен ему был третий герой — конь. В классической русской литературе и публицистике (Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Н. Михайловский и др.) образ «лошаденки», «коняки» являлся символом страдающего народа. Рассказ о мире и благолепии старца и льва, основанных на горе и страхе «облагодетельствованного» ими коня, был помещен среди публицистических заметок, осуждавших пропагандировавшееся большевиками принуждение всех ко всеобщему счастью. В подобном контексте он становился притчей о неприятии народом «всеобщего счастья», насильно декларируемого сверху. По сути, такими притчами были и политические сказочки Ремизова в «Простой газете». Форма «притчи» была избрана автором, чтобы сделать отвлеченную мысль понятной «простому» читателю и, одновременно, чтобы скрыть крамольный смысл сказанного от «чужих ушей» — т. е. возрождающейся цензуры.

Другим видом ремизовской публицистики того времени были прямые обращения к читателю. В момент нарастающих запретов на свободу слова тема преодоления «бессловесного молчания» приобрела особое значение в публицистике Ремизова. На смену прежнему безоговорочному осуждению (о чем говорилось в «Пятой язве»), пришла более глубокая и дифференцированная оценка изреченного или неизреченного на фоне потоков красноречия, лившегося в период «гушинцев», и опасности произнесения слов во времена диктатуры «Болотникова».

В «Новой простой газете» под псевдонимом «Сергей Скрытник» было опубликовано публицистическое произведение «Зазыв / письмо первое / Скрытникам и молчальникам»⁴. Это было обращение редакции к тем читателям, которые в современной политической ситуации вольно или невольно были обречены на немоту. Жанр «письма», его основная тема — тема «молчания», лейтмотивная для творчества Ремизова этого времени, а также характерная цитатная лексика позволяют предположить, что именно он был «Сергеем Скрытником». Автор «Зазыва» обращался к безмолвствующим читателям без упрека, цenia их молчание, и все же пытался пробудить от него: «Каждый думает, что одинок и поэтому молчит. <...> “Простая Газета” хочет помочь затерявшимся людям друг дружку найти. <...> Русский человек себя за мудреца не почитает. Не рабья покорная *бессловесность*, — это подлинная душа русская, черта народная — осторожность к слову. / Только *псоглавая толпа падка на зык и расправу* (курсив мой — А. Г.) <...> А в дни наши несуразные, перепутанные, сколько сказано пустых слов! / Большая сила нужна, чтоб опустошенному слову душу вернуть»⁴.

Ремизов-публицист призывал читателей пробудиться от немощующей покорности, которая приведет каждого к потере самого себя, а всех вместе превратит в проклятый «затворенный» народ. В день открытия Учредительного собрания (5 января 1918 г.) он опубликовал программную статью за своей подписью. Ее заглавие составили слова Авраамия Палицына о главной причине начала беды во всей России — «Безумное молчание». В этой статье Ремизов говорил о двух видах молчания. Первое — духовное, подобное «мысленной молитве». Это — безмолвие о том, что нельзя и не требуется выразить словом. Другое — молчание, как проявление определенной пассивной общественной позиции в моменты, когда нужно деяние, одним из видов которого является слово.

«Когда ты увидишь, — писал Ремизов, — как на глазах у тебя глумятся и оскорбляют безответно, и сам смолчишь, твое молчание — безумное. / Мы в смуту живем, все погублено — без креста, без совести. И жизнь наша — крест. И также три века назад смута была — мудрвали Воры над родиной нашей, и тяжка была жизнь на Руси. / И в то смутное время. у кого болела душа за правду крестную, за разоренную Русь, спрашивал совесть свою: / “За что нам наказание такое, такой тяжкий крест русской земле?” / И ответил всяк себе ответом совести своей. / И ответ был один: / “За безумное наше молчание”»⁵. Использование прямых параллелей и аллюзий между Смутой XVII в. и современностью актуализировало историческую па-

мять читателей, и, одновременно, напоминало, что только путем деяния, активного противодействия удалось преодолеть ту, первую Смуту и возродить Россию.

28 октября 1917 г. в издании «Россия в слове» — литературном приложении к газете «Воля народа»⁶ Ремизов опубликовал «Слово о погибели земли русской», во второй редакции названное «Словом о погибели русской земли»⁷. «Слово о погибели русской земли» не раз привлекало к себе внимание исследователей творчества писателя. Анализировались его поэтика, язык, политическая злободневность той поры и связь с современностью. На наш взгляд, его следует рассматривать как органичное явление эстетического самосознания писателя. «Слово о погибели русской земли», как сразу же было отмечено современниками, было преемственно связано с повестью «Пятая язва». О том свидетельствуют явные тематические и текстуальные параллели. Однако сравнение этих двух произведений показывает, что «Слово о погибели» — отражение следующего этапа в развитии ремизовской историософской концепции.

Следователь Бобров писал «обвинительный акт» всему русскому народу и, одновременно, это был «плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». В рецензии, озаглавленной «Плач о погибели русской земли», П. Е. Щеголев отмечал: «Разорение русской земли — вот истинная тема А. Ремизова <...> Переживаемый нами кризис русского самосознания доходит до высшей своей точки в повести <...> Нашему национальному самосознанию А. Ремизов учиняет тяжелое испытание и заставляет нас заглянуть в те душевные глубины, где личное “я” сливается с другими “я” в мистическом чувстве здорового патриотизма»⁸.

Критик, являвшийся знатоком древнерусской литературы, подметил два существенных момента, присутствующие в повести. Во-первых, он применил название древнерусского памятника ко всему произведению, тем самым указав на значение категорий древнерусской культуры в художественном мироощущении Ремизова. Во-вторых, он отметил особенность авторской позиции (ту же, что проявлялась, в частности, и в «Лимонаре») — стремление проникнуть в народное мышление и говорить из его глубины. Вспомним оценку «Лимонаря» А. И. Яцимирским, который отмечал значимость слиянности творчества Ремизова с «народной психологией», когда «народные верования и космические представления для него самого становятся как бы родными, близкими»⁹.

Возможно, что первоначальный вариант ремизовского названия («Слово о погибели земли русской») восходил не непосредственно к древнерусскому памятнику XIII в. («Слово о погибели русской земли»), а к названию сочинения Боброва «Плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». Лишь во второй редакции название было унифицировано с древнерусским. Подобная зеркально перевернутая взаимосвязь между заглавиями обоих произведений прослеживается и на тематическом уровне.

«Плач над разоренностью» Боброва был монологическим текстом — сочинением героя, в котором были использованы художественные приемы древнерусской литературы, цитаты из источников. Но авторская позиция являлась точкой зрения единичного человека («откатного камня»), противопоставившего себя России и судившего ее. Неслучайно в «Плач» было включено самоотожествление героя с «гордым царем» — Иваном Грозным (использованы его слова: «я не русский! <...> все русские предатели и воры!»).

Ремизовское «Слово о погибели» — это полифонический текст, в котором голос «автора» фактически является голосом хора, в котором сама глубь заговорила голосами разных времен. Из этой многострунности звучания возникал единый голос русского народа.

«Слово о погибели» не является стилизацией под древнерусский памятник, но и не воссоздает, как считает Э. Мануэльян, «древний жанр ораторской поэзии русского Средневековья»¹⁰. Это — произведение русского авангарда XX в., основанное на художественном принципе монтажа, на смене различных речевых ритмов. В нем переплетены отдельные стиливые приемы, образы, скрытые цитаты из памятников древнерусской литературы, фольклора и из новейшей литературы, в том числе из произведений и Дневника Ремизова.

Зачин ремизовского «Слова о погибели» («Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнить невозможно, вижу тебя...» (с. 194) образно стилистически близок древнерусскому «Слову о погибели» («О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси...»¹¹) и народной песне «Высота ли, высота поднебесная...» («Высота ли, высота поднебесная, / Глубока глубота акиян-море, / Широко раздолье по всей земли, / Глубоки омоты Непровския...»¹²).

Художественная структура «Слова о погибели» является сложным сплавом риторических вопросов о судьбе России, и разноголосья откликов из разных времен: плачей, приговоров, притч и пророчеств. Между «вопросами» и «ответами» слышен одинокий голос «очевидца» событий, потерявшегося и оглушенного происходящим.

Это — непосредственная реакция на современность единичного человека: «Где нынче подвиг? Где жертва? / Гарь и гик обезьяний» (с. 194); «Один слышу обезьяний гик» (с. 195); «И вот слышу обезьяний гик» (с. 195); «Обнаглелые жадно с обезьяньим гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь» (с. 200). Но надо учитывать, что этот глас «вопяющего в пустыне» — лишь один из звучащего многоголосья «Слова».

После ряда открывающих «Слово» риторических вопросов следует скрытая цитата из романа Андрея Белого «Петербург» (1913). Сравним тексты Андрея Белого и Ремизова:

«Петербург»: «С той чреватой поры, как примчался к невшкому берегу металлический Всадник, <...> как бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия <...> страдая и плача, до последнего часа — Россия. / Ты, Россия, как конь! <...> Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов <...> Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрез воздух. чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках?»¹³.

«Слово о погибели»: «Безумный ездок, хочешь за море прыгнуть из желтых туманов гранитного любимого города, несокрушимого и крепкого, как Петров камень, — над Невой, как вихрь, стоишь. вижу тебя и во сне и в явь. Брат мой безумный — несчастлив час! — твоя Россия загибла» (с. 194).

Цитата из романа Андрея Белого взята из контекста авторского отступления о грядущей судьбе России, основанного как на символах «петербургского текста» русской литературы, так и на традиции пророческих видений о «последних временах», «транскрибированных» Андреем Белым через эсхатологию Вл. Соловьева.

В многослойной символике романа Андрея Белого образ Медного Всадника как бы распадается на составляющие. Семантика Сидящего на коне (одна из его ипостасей — Петр) связана с понятиями «порядка», «логики», «государственности». Конь — во многом неуправляем, может в любой момент вырваться из под властной руки Всадника и полететь в неведомую бездну — это один из ликов России, таящей в себе стихийное народное начало.

В этом отступлении конь Медного Всадника замер перед прыжком в неизвестность. Автор предвещает апокалиптические события грядущего. «Прыжок над историей — будет; великое будет волнение; расщелется земля; самые горы обрушатся от великого т р у с а <...> Петербург же опустится. <...> Бросятся с мест своих в эти дни все на-

роды земные <...> Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. <...> Встань, о, Солнце!»¹⁴.

Введение этой переключки цитат вводит в повествование голос современного писателя, пророчествующего о гибели «порядка», «государственности» («твоя Россия загибла»), в момент мировых катаклизмов.

Пророчеству из романа XX в. вторит отклик из прошлого — плач, основу которого составляет образ из «Слова о полку Игореве»: «Я кукушкой кукую в опустелом лесу твоём, где гниет палый лист: Россия моя загибла» (с. 194). Далее в хор вступают голоса раскольников, потом — калек переходжих, поющих песню о Ваньке Каине.

Тем самым, изначально слышны отклики самой Руси на разные трагические изломы ее истории, равно являющиеся вехами ее страдного пути. В повествовании вновь возникает риторический вопрос — почему гибнет Россия. Далее Ремизов включает в хор голос героя «Пятой язвы». Изначальной ошибкой критиков, а затем и исследователей «Слова», было отождествление автора с каким-либо единичным голосом, звучащим в произведении. Чаще всего это касалось героя ремизовской повести.

Бобров вспоминает свой «обвинительный акт»: «сердце открытое не раз на крик кричало на всю Русь: “нет правды на русской земле!” <слова из “Послания” Таубе и Крузе — А. Г.> <...> Безумное молчание <слова Авраамия Палицына — А. Г.> верных сынов твоих вопиет к Богу, как смертный грех» (с. 196). Но затем он отказывается от него: «Я не раз отрекался от тебя в те былые дни, грозным словом Грозного в отчаянии задохнувшегося сердца моего проклинал тебя за крамолу и неправду твою. <...> Но теперь — нет, я не оставлю тебя и в грехе твоём <...> я русский, сын русского, я из самых недр твоих» (с. 196). Это голос Боброва, уже пережившего нравственный переворот и сошедшего в муку страдать вместе со всем народом. Таким образом, здесь видно характерное для символизма явление автономизации персонажа от создателя. Он продолжает жизнь и развитие за рамками породившего его изначального текста.

Тема гибели, синтезирующая темы разрушения «порядка» = «наряда» = «государственности» и судьбы русского народа («Всадника» и «коня»), развивается *crescendo* и переходит в тему «последних времен» и наступившего Страшного Суда. Здесь звучат голоса пророков: Исайи и святого Иоанна Богослова — автора Откровения: «И свилось небо, как свиток. И нету Бога. Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и луною. Черная бездна разверзлась вверху и внизу. <...> Нет ничего, ни Кремля, ни России <...> делай дело свое, — воздвигай но-

вую Россию на месте горелом. А про старое, про бывалое — забудь» (с. 198). Рефреном к провозвестиям конца звучит голос книжника — автора повести XVI в. «О граде сокровенном Китеже», возникающий дважды: «Ты канешь на дно светлая» (с. 197); «Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найти» (с. 198).

После картины свершающегося над Россией Страшного Суда в повествование впервые полнозвучно и явно вступает голос самого Ремизова. В «Слово» включена значительная по объему цитата из его Дневника.

Запись Ремизова от 6 сентября 1917: «Русский народ, что ты сделал? / Ты искал свое счастье и все потерял. / Одураченной свиньей плюхнул в навоз. / Поверил: / Землю свою забыл колыбельную / Где Россия твоя? / Русский народ, это грех твой непрощенный. / Где же [твоя] мудрость твоя мирская? / Я гордился, что русский, берег имя родины моей, молился святой Руси. / И вот презираем. Со всем народом несую кару. Не смею глаз поднять. / — Что я сделал? Жалок, нищ и наг. Горе мое безмерно, скорбь глубока, страдание неисчерпаемо, нет утешения, нет надежд»¹⁵.

«Слово о погибели»: «Русский народ, что ты сделал? / Искал свое счастье и все потерял. Одураченный, плюхнулся свиньей в навоз. / Поверил — — / Кому ты поверил? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся. / Землю ты свою забыл колыбельную. / Где Россия твоя? / Пусто место. / Русский народ, это грех твой непрощаемый. / И где совесть твоя, где мудрость, где крест твой? / Я гордился, что я русский, и лелеял имя родины моей, молился святой Руси. / Теперь презираем со всем народом несую кару, жалок, нищ и наг. / Не смею глаз поднять. / — Господи, что я сделал! / И одно утешение, одна надежда: буду терпеливо нести бремя дней моих, очищу сердце мое и ум мой помутненный и, если суждено, восстану в Светлый день. / Русский народ, настанет Светлый день / Слышишь храп коня?» (с. 198–199).

При сравнении источника (Дневника) и текста «Слова о погибели» очевидно, что в художественном тексте безысходная скорбь Ремизова — конкретного человека, одного из очевидцев истории, — трансформирована в пророческий оптимизм пророка, провидящего грядущее: «Слышу трепет крыльев над головой моей. / Это новая Русь. прекрасная и вольная, царевна моя / Русский народ, верь, настанет Светлый день» (с. 199).

Завершающая часть произведения — это слово пророка, вещающего о бедах Отечества. И тут необходимо понять ключевую фразу, которая не раз обговаривалась исследователями: «Закурекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (с. 200). Иванов-Разумник связал эту фра-

зу с рассказом «Обезьяны» из сборника снов «Бедовая доля» (1910)¹⁶. Позднее этот рассказ был включен в состав хроники «Взвихренная Русь». Царь обезьян Асыка перед гибелью «прокричал гордому всаднику и ненавистной <...> смерти трижды петухом»¹⁷. Оба совпадающих мотива (и в «Слове о погибели», и в «Обезьянах») восходят к одному и тому же евангельскому сюжету: троекратное пенье петуха — напоминание Петру об отречении от Христа.

В художественной структуре «Слова о погибели» эта фраза органично связана как с общим художественным планом произведения, так и с мировоззренческой концепцией писателя революционных лет. Как уже говорилось, финал «Слова» — это речь пророка — плач о прошлом, обличение настоящего, прорицание будущего. В этом контексте существенна запись в Дневнике Ремизова от 21 марта 1920 г.: «Я не пророк, я не апостол, я тот петух, к<оторый> запел и отрекшийся Петр вспомнил о Христе» (*Дневник*. С. 489). В Дневнике эта фраза закодирована — может быть, это — запись чьих-то слов, или цитата из какого-то источника. Но творческое сознание писателя аккумулировало этот «чужой» текст. Фраза о «петухе» вводила в «Слово» важную для ремизовского творчества того времени идею миссии писателя как некоего «духовного катализатора» процесса пробуждения народной совести. В дневниковой записи июня 1917 г. Ремизов отмечал: «Никакие и самые справедливейшие учреждения и самый правильный строй жизни не изменит человека, если не изменить в душе его, если душа его не раскроется и искра Божия не блеснет в ней. Или искра божия блеснет в сердце человека не надо головы ломать ни <о> каком учреждении, ни о каком строе, потому что с раскрытым сердцем не может быть несправедливости и неправильности» (*Дневник*. С. 448). Пробуждение совести, принятие страдания как судьбы приведет Россию к возрождению — Второму Пришествию.

«Слово о погибели» завершается притчей о гостях званых и не званых. По форме и семантике она является прямым жанровым продолжением евангельских притч, рассказываемых Христом. Чей голос слышен в финале «Слова» — можно только предполагать, узнавая Говорящего. После притчи о том, что еще придут настоящие гости, следуют слова из церковной заупокойной службы («Ве-е-чна-я па-амять» С. 200). Графика их написания вызывала у читателя эффект «слухового восприятия» финала как зазвучавшей музыкальной фразы. Какофония перебивающих друг друга голосов переходила в звучание хора, который завершался христианским песнопением. Русь обретала свой крестный путь — начало чаемого Воскресения.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова — публицистическое произведение нового, синтетического жанра. Использование писателем названия конкретного древнерусского памятника («Слова о погибели русской земли») не означало прямого стилизационного подражания. Ремизову было известно, насколько широко использовался данный термин («слово») в древнерусской литературе. Можно предположить, что этот термин привлек его внимание прежде всего как емкое обозначение произведения, не ограниченного жестким жанровым канонам. В дальнейшем писатель еще раз обратился к этому термину в названии другого своего публицистического обращения («Заповедное слово русскому народу»¹⁸).

Ремизовское «Слово» — полифонический текст, который можно уподобить музыкальной партитуре хорового произведения. О судьбе России иногда горько-безнадежно, иногда яростно, иногда пророчески воодушевленно говорят безымянные люди, древние книжники, современные писатели, их герои, пророки. Это — слившийся воедино хор, в котором голос Ремизова — лишь один из многих. Создание подобного полифонического произведения шло в русле главного направления ремизовской публицистики революционных лет — снять печать с «затворенных уст», прервать «безумное молчание», дать заговорить самой России — всем ее обитателям — от духовной элиты, чьи произведения сохранила история, до тех, чьи голоса угадали во времени. Как синтез этих голосов создастся тот «глас народа», который и пробудит «смолчливых» от духовного оцепенения и преступного недеяния.

«Слово о погибели русской земли» получило общественный резонанс только после опубликования в сборнике «Скифы». Здесь, сразу за текстом Ремизова следовала статья Р. В. Иванова-Разумника «Две России», которая сочетала в себе черты литературной рецензии и публицистического выступления. Причем последнее превалировало над первым. По сути, эта статья шла в русле традиций отечественной революционно-демократической и народнической критики, когда произведение искусства становилось лишь поводом для изложения общественно-политических взглядов рецензента.

Иванов-Разумник безоговорочно принял Февральскую революцию, видя в ней начало мирового «революционного пожара». Только в единомышленниках он видел людей «Нового Завета», чающих «Нового Мира». Инакомыслящих он объединял в лагерь «староверов»: «Пусть среди вторых — и крупный художник слова, скорбящий за старое <...>, и <...> всесветный мещанин <...> оба они <...> могут быть жестоки-ми “контр-революционерами”» (*Две России*. С. 206).

В статье «Две России» вульгарный идеологизм причудливо сочетался с эстетически точными оценками отдельных составляющих творчества Ремизова. Ее автор первым указал на преемственную связь между «Словом» и другими произведениями писателя («Лимонарем», «Пятой язой», «Обезьянам»). Но выводы, которые Иванов-Разумник — критик делал из сопоставительного анализа текстов, подвергались под априорную концепцию Иванова-Разумника — публициста.

Так, Иванов-Разумник вспомнил о давнем апокрифе «О страстях Господних» и чутко подметил его связь с ремизовским восприятием революции. «Распятый Христос никогда не воскресал <...> Вот подлинная вера Ремизова. Много писал он о Христе, но не все до сих пор понимают, что его Христос — не воскрес. Что ж удивляться тому, что и революция для него есть лишь “беззаконство” несметной бевсовской силы “из темных ям”?» (*Две России*. С. 221). Однако указав одним из первых на взаимосвязь ремизовского мифа о не воскресшем Христе с историософской концепцией, критик не увидел духовной эволюции писателя. Для Ремизова 1910-х гг. Христос воскрес, но никогда не освящал дела насилия. Так 9 января 1918 г. писатель отмечал в Дневнике: «Россия, хочешь осчастливить Европу, хочешь поднять бурю и смести и на западе всякие вежи старой жизни. И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки. Последняя Мурка, задушенная в канаве отравит мне все твои розы. Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя. Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Голгофа свою проливает кровь, а не расстреливает другог<о>» (*Дневник*. С. 473–474).

Изначально идеологический подход Иванова-Разумника к ремизовскому тексту определил и его вульгаризованную трактовку произведения как плакатно-однозначного выражения личной точки зрения писателя. Отсюда критик делал логичный вывод, что для Ремизова положительно значимы только «самодержавие, православие, народность. Трудно верится сразу, что именно здесь его ценности, что таков внешний политический смысл “Слова о погибели Русской Земли”, но сомнения невозможны» (*Две России*. С. 209).

Ремизов тяжело воспринял подобную оценку своего произведения со стороны критика, в котором ранее он находил понимание своего творчества. Возможно, что его реакция на статью проявилась в разговоре с ее автором, содержание которого пунктирно законспектировано в дневниковой январской записи 1918 г.: «Костры заволжские — саможжения — от Аввакума возродили Пушкина и Достоевского. Сила духа старой Руси сожигающей<ся> перешла в Пушкина и Достоев-

ского. / Был Разумник — битва под Разумником» (*Дневник*. С. 472). Очевидно, в личном разговоре Ремизов вновь, «прямым текстом», повторил свою мысль о единстве исторического пути России и о роли литературы, пробуждающей человеческую душу.

Статья Иванова-Разумника вызвала несколько откликов. Так А. Н. Чеботаревская возмущалась невозбранностью «общественному критику Разумнику Иванову клеветать на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими словами и образами, гибель земли русской»¹⁹. Сохранился и эмоциональный отклик З. Н. Гиппиус в ее письме Ремизову от 1 января 1918 г.: «То, что сделала с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела “Ск<ифы>”, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того и сама по себе его статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках»²⁰. Оценка Гиппиус была резкой, но парадоксально-пророческой.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова долгие годы воспринималось через призму статьи Иванова-Разумника, и это обусловило негативное отношение к писателю-эмигранту на его Родине. Так в академической «Истории русской литературы» 1954 г. о Ремизове было написано: «Если буржуазно-демократическую революцию в феврале 1917 года символисты еще и “приняли” с либеральных позиций, то дальнейшее развитие событий они встретили, за малым исключением, как враги народа. <...> А. Ремизов оплакивал старую Россию (“Плач о погибели русской земли”) <...> несколько позже К. Бальмонт, А. Ремизов и Вяч. Иванов бежали за границу, где примкнули к злейшим врагам Советской России»²¹.

Примечания

¹ *Lampl Horst*. Political Satire of Remizov and Zamiatin on the Pages of Prostaja gazeta // *Aleksej Remizov*. Approaches to a Protean Writer. Columbus: 1987. P. 245–260; *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // *Русская литература*. 1992. № 1. С. 205–215; *Иезуитова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // *Алексей Ремизов*. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 67–81; *Обатнина Е. А.* Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 11. С. 142–153.

² Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912. С. 146.

³ Простая газета. 1917. 8 ноября. № 1. С. 2.

⁴ Новая простая газета. 1917. 26 ноября. № 1. С. 4.

⁵ Вечерний звон. 1918. 5 января. № 23. С. 3.

⁶ См.: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 14. С. 154–156.

⁷ Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. С. 194–200. Далее цитируется по этому изданию.

- ⁸ День. 1912. 27 октября. № 26. С. 6.
- ⁹ Исторический вестник. 1908. Апрель. Т. СХII. С. 1094.
- ¹⁰ Мануэльян Э. «Слово о погибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. С. 81.
- ¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 130.
- ¹² Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 259.
- ¹³ Андрей Белый. Петербург // Сирин. Сб. 1. СПб., 1913. С. 140–141.
- ¹⁴ Там же. С. 141.
- ¹⁵ Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. зам. и комм. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. 16. М.–СПб., 1994. С. 462–463. Далее цитируется в тексте *Дневник* с указанием страницы.
- ¹⁶ Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Сб. 2. С. 214. Далее цитируется в тексте: *Две России* с указанием страницы.
- ¹⁷ Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 297.
- ¹⁸ См.: Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля народа» (1918. № 1).
- ¹⁹ Чеботаревская Ан. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. 4 января. № 3. С. 2.
- ²⁰ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 53. Л. 1–1об. Опубл.: *Lampf Horst. Zinaida Hippus and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slavistischer Almanach. 1978. Band. 1. S. 186–187.*
- ²¹ Орлов В. Н. Поэзия буржуазного упадка // История русской литературы. Т. X. Литература 1890–1917 годов. М.–Л., 1954. С. 773–774.